

Еще не было девяти часов, как уже все собрались и с нетерпением ждали продолжения рассказа доктора.

Николай Васильевич раскрыл свою толстую тетрадь, разложил остро отточенные карандаши и приготовился записывать.

Доктор же точно так же, как и в первый раз, просматривал свой дневник, записную книжку, какие-то заметки, записки, готовясь к продолжению увлекательного рассказа, а вернее, повести, и при этом такой повести, которую вряд ли кому доводилось слышать.

Доктор приводил в порядок свои заметки. Повесть его была ведь основана на правдивых событиях, записанных самим и с такими особенностями, которых ни в каком романе не прочтешь.

Терпеливо в полном молчании мы ожидали продолжения повести.

- Ну как? Слушать будете? - спросил доктор, оторвавшись на минуту от своих бумаг.

- Вы что же? Издеваетесь над нами? - сказал Дмитрий Павлович.

- Ну, слушайте.

И доктор начал:

- Как уже я говорил, после того, как кухарка уехала на ночь в деревню, мы остались с Галчонком в квартире вдвоем. и вечером улеглись в кровать...

Мы лежали обнаженные под одеялом, тесно прижавшись друг к другу. Я лежал на левом боку, левой же рукой обвил Галчонка за шею и плечо, а правой поглаживал ее ягодицы. Было упоительно сладко. Я положил голову члена на ее лобок - венерин холмик, и продолжал гладить ее теплую задницу. Мне не хотелось спешить, хотя я чувствовал, что она томится желанием, что она хочет меня.

- Помнишь, - спросил я ее, - ты говорила, что звелась с мужчинами недавно. В городе после отчима ты была близка с кем-нибудь?

Она, уткнувшись личиком мне в грудь, тихо прошептала:

- Да

- Расскажи, как это было.

- Нет, вы будете серчать на меня.

- Ну что ты! Я же знал, что ты имела сношения с отчимом, и не сержусь. Мне будет только приятно знать и услышать от тебя все...

- А что знать?

- Ну, с кем и как ты имела сношение в городе?

- Стыдно вспомнить...

- Ничего. Расскажи. Когда первый раз было?

- На четвертый, кажись, день, как я пришла в город. Было темно уже и я шла в ночлежку.

Возле парка меня нагнал какой-то гимназистик, молоденький. "Девочка, - говорит, - хочешь полтинник?" А сам озирается вокруг и весь красный, стыдился... А я говорю:

"Давай", - а сама смеюсь. "А дашь?" - спрашивает. "А что ты хочешь?"

- говорю. Он еще пуще покраснел. "Идем, - говорит, - вон туда, в кусты...". "Идем", - говорю. Пошли. А он все озирается по сторонам. Зашли в кусты. Он обнял меня и поцеловал... зачали тыкаться... Вот и все.

- Легли на травку? - спросил я, сжимая Галчонка.
 - Нет, трава мокрая была. Мы стояли...
 - Неудобно было?
 - Знамо, что не на кровати. Попервоначалу он совершенно не попадал-то.
 - А высокого росту?
 - Чуть пониже меня, полненький такой, приятный...
 - Он тебе еще нравится?
 - Не знаю...
 - Платье он на тебе сам поднял? Или ты ему помогала?
 - Сам. Сперва он стал гладить меня рукой поверх платья по животу и промеж ног. А потом забрался под платье. Расстегнул себе штаны и сразу шишкой своей мне в суюк начал тыкать...
 - У него большая шишка? Трогала ты ее рукой? - спросил я, целуя в засос шею Галчонка.
 - Трогала... шишка у него тонкая, но длинная.
 - Такая, как у меня?
 - Нет... много тонче и покороче... но-таки длинная.
 - Пробрала тебя? - спросил я, теснее прижимая ее к себе.
 - Не знаю...
 - Но все-таки ты спустила?
 - Не знаю..., - а затем чуть слышно добавила: - Да...
- Я лег промеж ног Галчонка и вдвинул головку члена в ее влагалище, которое тотчас же сжало ее... Изогнувшись, я поцеловал ее возле ушка и спросил:
- А он сразу задул тебе шишку? - Нет, сперва тыкал как попало, - в живот, в ноги и все быстро, быстро... Потом присел немного, а потом-таки задвинул.
 - И долго он тебя?
 - Долго... но часто переставал.
 - Как так?
 - А так. С пяток минут он так быстро, быстро подвигает, а потом оторвется и шепчет: "По-годи... я погляжу, нет ли кого, и..." - пойдет походит кругом кустов, озираясь во все стороны. - А что ты делала?
 - А я стояла и ждала.
 - И хотела...?
 - Раз начали уж...
 - Ну, а потом? - спросил я, чуть глубже вводя член в ее уже совсем мокрое влагалище.
 - Потом подбежит ко мне, присядет немного и сразу засадит... и опять как кобель быстро-быстро... А потом опять оторвется и за кусты, ну озираться... И так разов пять накидывался на меня...
 - Ну, и спускал?
 - Нет... Один раз только в конце. Охватил меня руками сильно-пресильно... Слышу, дышит часто и задыхается, и задвигает все сильнее, а сам инда всхлипывает, и, когда зачал спускать, чуть мы оба не повалились на траву, еле удержались...
 - Ну, а ты... спускала? - спросил я и прижал головкой члена ее матку.
 - О-го-гоо, - тихо застонала она и согнула слегка колени.
 - Спускала? - повторил я.
 - Да-а-а... два раза...

- Скажи... он... он достал шишкой твою матку в сюке?

- Нне... знаю... ой, ой, больно глубоко вы тыкаете... Он тоже, но не так...

- А как?

- Тот раз, первый раз, я не примечала, чтобы доставал, а другой раз было...

- Так он тебя и другой раз употреблял? Скажи, сколько раз он тебя употреблял?

- Разиков три... не больше.

- Что? Употреблял?

- Да-а...

- Скажи... употреблял!

- Стыдно... не могу...

- Ну скажи, - просил я, начав медленно двигать член в ее влагалище.

- Скажу...

- Ну!..

- У... У... Употреблял, - прошептала она, задыхаясь и приподнимая задницу мне навстречу.

- Как его зовут?

- Виктор.

- А яйца ты его трогала?

- Трогала... - прошептала она, и я почувствовал, что ее влагалище стало еще влажнее. В комнате уже раздавался сильный сосущий звук от движения члена во влагалище... Переноса тяжесть моего тела на девушку, я приподнял правой рукой одну ножку Галчонка, стараясь придать ее вульве такое положение, при котором этот сладостный звук был бы особенно сильным. Мне это удалось, и я с невыразимым наслаждением упивался этим звуком, медленно протягивая член во всей длине влагалища.

Галчонок порывисто дышала подо мной, и видимо, она так же возбуждалась этим бесстыдным звуком...

- Слышишь? - спросил я, сладостно вдвигая член.

- Слы-ы-ы-шу...

- А с Виктором это было?

- Не помню-ю...

- Не стыдись... говори...

- Было...

- Стоя?

- Немного... а больше... когда лежа...

- Когда он употреблял тебя лежа?

- Да-а-а... ой, ой, - застонала она от слишком сильного трения головки о матку.

- Скажи, а с отчимом у тебя тоже было такое?

- Тоже...

- А у Виктора большие яйца?

- Ой, большие... ой-ой-ой-а-а-... - задержалась она, ощутив сильное вздрагивание члена.

- Скажи..., - начал я, но почувствовал, что все ее тело напряглось, натянулось, ее ручки судорожно сжали мою шею, из ее ротика вырвалось прерывистое дыхание, переходившее во всхлипывающие звуки, вся она содрогнулась, изгибалась...

Несколько секунд я надавливал на ее матку, и когда она спустила, я выдернул член и с наслаждением, весь дрожа, облил ей животик.

Я вытер ее полотенцем, обнял и, усталые, но довольные, мы заснули на несколько часов... Поздно ночью я вновь оказался на своей девочке... Но на этот раз положил ее вниз животом, под который засунул подушку так, что ее задница оказалась приподнятой... Мысль совершить с ней противоестественный акт у меня тогда даже не возникала...

Я просто поместил член между ее приподнятыми ягодицами, немножко прижал его, лег грудью на спину Галчонка, поддерживая себя на локтях и целуя ее головку... И продолжал расспрашивать ее.

- Ты говорила, что второй раз Виктор употребил тебя лежа... где это было?

- Тоже там, в парке... Поздно ночью.

- И сразу легли?

- Нет... немного тыкались стоя.

- А потом?

А потом он вынул, обошел кусты и сказал: «Никого нет, давай ляжем»; Я говорю. «Давай»; И легли... и зачали...

- А ты ноги согнула? Или обнимала ногами Виктора? Расскажи...

- Не помню... Кажись, сперва немного согнула... а после он рукой поднял мне ногу одну вверх и поддел ее плечом...

- Положил ее себе на плечо...

- Да... а потом...

- Что потом?

- Стыдно...- прошептала она и уткнулась в подушку, вздрогнула...

- Ну, скажи... Что потом? - шептал я, целуя ее в затылок и придвигая член к ее половой щели.

- Потом и другую ногу мою запрокинул на плечи себе...

- Сладко было?

- Не знаю... немного болело...

- Отчего? - спросил я и ввел головку члена в ее уже сильно влажные срамные губы...

- У него длинный..., - чуть слышно прошептала она.

- Достал до матки?

- ...

- Ну?

- Да...

- А ты говорила ему, что тебе больно?

- Говорила. «Пусти, - говорю, - больно так»; - а он не слушает... и туда... глубоко... и весь дрожит... и шепчет: «Подожди, потерпи немножечко, чуть-чуть»;... и опять как задует, у меня инда глаза закатывались...

- А сладко было?

- Было... и болело очень... и стыдно было, так стыдно...

- Отчего?

- Что ноги мои так подняты... у него на плечах-то...

Я впился губами в ее затылок и медленно вводил член в ее вздрагивающее влагалище, изогнувшись над ее маленькой спинкой.

- Он опять соскакивал с тебя?

- Да... раза три обходил кусты.

- А потом ноги на плечи?

- Ну да...
- А ты... чувствовала задницей его яйца?
- Не помню...
- Задница у тебя была голая?
- Ну... голая...
- Чу-у-вствовала... ты его... его голые яйца? - спросил я ее, задыхаясь, и прижал ее матку членом...
- Ой... ой... ааа...
- Значит, чувствовала?
- Да...
- Когда Виктор тебя употреблял, ты обнимала, целовала его?
- Нет... я его держала за руки... а целовал он меня сам, когда наклонился...
- В губы?
- Да...
- Сосал губы?
- Да-а...
- Тебе было сладко ?
- Да-а-а..., - шептала она и ее влагилице, уже совсем мокрое, теснее сжало мой член.
- Сколько раз Виктор употреблял тебя?
- Три... всего...
- А ты хотела, чтобы он тебя употреблял?
- Не знаю... Не-е-е знаю-ю...
- Признавайся...
- Хо-те-ла...
- Я всадил ей чуть не по самые яйца. - О-о-о! - застонала она.
- Чего... ты?
- Бо-о-льно...
- А под Виктором было... больно?
- Да, ой-ой!
- Лежи, я хочу тебя... употреблять... Я ритмично делал движения членом, вызывая такой знакомый, сладчайший, сосущий звук между нашими ногами...
- Скажи... Ты хочешь, чтобы Виктор еще раз тебя употребил?
- Не-е-знаю...
- Ну... скажи... хочешь, чтобы он тебе задул свой длинный и сосал тебе губы?
- Хо-ч-чу, - лепетала она, охваченная похотью.
- Знаешь, - шептал я, - я хочу, чтобы Виктор еще раз тебя употребил... ты пригласи его к нам домой... разгорячи его...
- О-о-о... - стонала она подо мной, делая задницей стыдные движения.
- Пусть он тебя употребит так, как я сейчас... сзади... как кобель суку...
- Ой, не могу... - всхлипывала она, извиваясь на животе.
- Как кобель суку хочешь? Хочешь? - шептал я.
- Хочу...
- Скажи: хочу, чтобы Виктор меня употреблял... как кобель суку, - задыхаясь, прошептал я, ускоряя движения...

- Ой... хочу... Витенька... Витя меня, чтобы... у-употребил... как сукууу, - с трудом закончила она, судорожно вздрагивая всем телом, обильно увлажняя кончик моего члена.

Спускала она в этот раз дольше... сильнее, слаще. И едва удержался, чтобы не облить ее матку... С большим трудом я извлек член из влагалища и тут же обрызгал ее задницу.

В ту ночь я совершил с Галчонком еще один акт совокупления. Это было уже на рассвете.

Просыпаясь, я почувствовал приятную эрекцию моего пениса, который прижался к теплому животу Галчонка. Мы спали живот к животу. Едва пробудившись, я коленом раздвинул ножки спящей подружки, нежно перевалил ее на спину, и, осторожно нагнувшись над ней, ввел член во влагалище.

Галчонок еще спала, но срамная щель ее была влажной и большие половые губы слегка припухли.

Не двигаясь, я несколько минут лежал на ней, наслаждаясь вздрагиванием моего пениса в ее теле... Затем я вынул его, лег возле нее вновь, повернул на бок к себе. Я хотел дать ей выспаться и отдалить наслаждение. Полежав так несколько минут, я вскоре убедился, что сон мой как рукой сняло, и мой орган напрягся еще больше.

Тогда я с большими предосторожностями повернул свою девочку на левый бок, оставаясь позади нее и с наслаждением начал водить твердым пенисом между ее ягодицами... Она спала... Я подогнул ее ножку вперед так, что ее задница выпятилась навстречу моему пенису. Откинувшись немного назад, я взял правой рукой свой член и начал головкой медленно и осторожно поглаживать между ее влажными срамными губами... слегка надавливая на них... Спустя несколько минут, в течение которых яйца отвердели и заныли от сладости, головка члена соскользнула с влагалища. Я снял с пениса руку, обнял девочку за талию и медленно, небольшими толчками начал вводить пенис в ее тело...

Отброшенное одеяло прикрывало только наши бедра. Спина Галчонка была совершенно обнаженной. Я не отрывал взора от ее кругленьких ягодиц, между которыми выделялся мой толстый пенис. Не скрою, я любовался этим зрелищем, которое усиливало сладострастие. Она спала... но когда я чуть коснулся головкой пениса ее матки, она слегка потянулась, изогнула поясницу, отчего ее задница плотнее прижалась к моему животу, а матка к члену. Она застонала сквозь сон. И опять я несколько минут лежал неподвижно, наслаждаясь сладостными соприкосновениями головки члена и матки, как вдруг почувствовал членом похотливые спазмы ее влагалища... она еще больше вытянулась и выгнула поясницу и стала, просыпаясь, охваченная животной страстью.

- Хочешь? - шепнул я.

- Хочу...

- Ну, лежи так.

- Лежу.

Я снял руки с ее поясницы, немного отодвинул свои ноги и теперь мы с ней соприкасались только половыми органами. Может быть поэтому обострились ощущения очень большого напряжения их. Мой пенис стал твердым, как бревно. Ее срамные губы надулись, увеличились, напряглись и плотно охватили пенис...

Откинувшись назад, я начал коитальные движения, сгибая и разгибая свою поясницу, стараясь не касаться ее тела ничем, кроме пениса. Комната сразу наполнилась бесстыдными звуками, особенно сильными при вытягивании члена.

Правой рукой я поднял ее правую ногу вверх, почти вертикально. Хлюпающие, сосущие звуки

усилились. Ее личико залилось краской.

- Слышишь?

- Слышу-у...

- Тебе сладко?

- Сладко-дко-о...

- Я хочу тебя как кобель суку... Хочешь?

- Хочешь стать на коленки... а я тебя сзади... как суку... - шептал я ей, задыхаясь, и сильно нажал на матку.

- Ой-ой-о-х!

- Хочешь???

- Хо-о-чу...

- Становись, как сучка.

Я извлек из ее трепещущего тела пенис и помог встать на четвереньки на кровать. Вернее, она стала на коленки и локтями прижалась к подушкам так, что ее зад сильно выгнулся, а ее мокрая вульва выпятилась меж ее ножек.

Я наклонился и впился губами в ее вульву. От неожиданности она вздрогнула, но позы не меняла. Я нащупал языком ее толстенький и тоже очень твердый клитор... До боли изогнув шею, я охватил губами ее клитор и принялся жадно сосать его...

- А-а-а, - услышал я приглушенный стон и по сжатию бедер почувствовал, что у нее приближается оргазм... Я оторвал губы от вульвы и вложил член, стоя на коленях сзади нее.

- Спускать захотела?

- Да-а-а...

- Подожди еще... я не... еще не хочу.

- Не могу...

- Подожди... побью... если спустишь...

- Не могу... ой... ой...

Я сам уже чувствовал, что не могу... прижал пенисом ее матку, ожидая конца ее оргазма. Она вся напряглась, ягодицы раскрылись еще больше, обнажив красивый, стыдный, коричневый кружок ее заднего прохода, а под ним плотно сжатые, охватившие кольцом мой пенис, ее большие срамные губы... Ее бедра, вся ее задница как-то всасывали меня...

Со стоном извиваясь и выгибаясь, она спускала, сильно увлажняя мой пенис. Затем опустилась, обессилив, на живот и я облил ее ягодицы сильной, горячей струей...

Утром вернулась кухарка из деревни. Я уже чинно, с безразличным видом, сидел за столом, а Галчонок, как свежая роза, умытая и причесанная, довольная, разливала чай... Только ее щечки, немного более обычного пунцовые, напоминали о недавнем прошедшем...

Прошло еще недели две. Две недели... сколько наслаждения. Раза два-три нам удавалось остаться наедине с нею. И это время мы не теряли даром... По-прежнему много времени я посвящал также образованию Галчонка, доставал ей книжки, учебники, журналы...

Незаметно прошли еще недели три. Наступила прохладная осень. Солнечные дни сменились длинными, темными вечерами. Потом пошли дожди. Становилось еще холоднее. Но тем уютнее казалась комната в моей квартире с натопленными печами...

Галчонок уже посещала вечернюю школу и была занята с утра до вечера. После возвращения из школы мы пили чай, а потом в течение одного или двух часов я помогал ей готовить уроки. Кухарка убирала со стола и укладывалась спать.

Мы прислушивались к ее последним приготовлениям ко сну и, услышав за дверью легкий скрип кровати, свидетельствующий о том, что кухарка улеглась наконец спать, облегченно вздыхали. Галчонок переходила со стула ко мне на колени, и мы еще некоторое время, тесно обнявшись, занимались ее уроками, а затем, обнявшись, и убедившись, что кухарка уже крепко спит, проводили еще полчаса во взаимных объятиях, которые почти всегда оканчивались оргазмом.

Частенько, вложив член в ее узенькое влагалище, я расспрашивал ее с переживаниями об ощущениях при совокуплении с Виктором. Эти разговоры всегда усиливали и ускоряли наш оргазм. Во время этих бесед я предлагал ей устроить свидание с Виктором у меня в кабинете. Во время сладострастных спазмов она соглашалась... На другой день отказывалась, а потом, спуская подо мной, опять соглашалась и даже, краснея, просила об этом.

В это время нам удавалось раза два-три в неделю на час, а то и больше, как я уже сказал, остаться вдвоем. Обычный акт совокупления я растягивал как можно дольше и заканчивал его сильным оргазмом. У моей же маленькой партнерши это вызывало два, а иной раз и три оргазма в течение одного или двух часов.

Излюбленной нашей позой вскоре стало положение, при котором она поворачивалась ко мне спиной...

Иногда она встречала на улице Виктора, особенно близ парка, и всякий раз Виктор, глядя на нее с восхищением, просил ее о свидании. Она отказывалась, ссылаясь, как она об этом мне говорила, на то, что по вечерам она не может выходить из дома...

Наконец, когда кухарка объявила о своем желании в ближайшую субботу отправиться в деревню на ночь, я решил ускорить события, окончательно смирившаяся Галчонок была уже согласна встретиться дома...

Я посоветовал ей погулять вблизи школы в момент окончания занятий там, и, встретив Виктора, согласиться на свидание, и если согласится, предложить ему прийти к нам в дом в семь часов вечера в субботу. При этом, следовательно, нужно было сказать Виктору, что у нас никого дома не будет до десяти часов и что в случае, если я приду часов в 10 и увижу его там, то, мол, ничего не будет и я не рассержусь. Виктор знал наш дом, несколько раз провожал Галчонок до калитки, встречал также и меня, и кухарку несколько раз. Обнимая и целуя Галчонок, я шептал ей, что она может не стесняться и чувствовать себя хозяйкой, что она может запереться с Виктором в кабинете и спокойно наслаждаться.

- Знаешь что, - проговорил я, поглаживая ее твердый клитор,

- Что?

- Ты сделай так, чтобы он тебя употребил сзади, как я...

- Он не умеет.

- А ты научи его. Он будет прижимать тебя к себе, а ты поворачивайся к нему спиной... задницей... он догадается. А ты мне потом расскажешь, да?

- Да... я хочу..., - добавила она, покраснев и опустив головку.

В доме в это время никого не было, и я решил поставить Галчонок на диван на колени, к себе задницей...

Желая усилить наслаждение, я взял большое зеркало и поместил его перед личиком Галчонок.

- Смотри в зеркало, - сказал я, медленно вдвигая пенис в ее горячее влагалище.

- Зачем? - спросила она, торопливо взглянув в зеркало и, встретившись в зеркале с моим

страстным взглядом, опустила голову.

- Я хочу видеть тебя...

- Мне стыдно...

- Смотри...

Она подняла головку и вновь встретилась в зеркале с моим взглядом.

- Смотри...

- Смотрю...

Я, не отрываясь, глядел на ее красивое личико и делал медленные движения, задевая пенисом матку.

Иногда она отводила в сторону головку от зеркала. Иногда опускала или закрывала глаза, но всякий раз я требовал:

- Смотри в зеркало!

Когда комната наполнилась привычными и громкими сосущими звуками, производимыми движениями пениса во влагалище, упругом и влажном, она перестала отворачиваться.

Сладкая животная боль и похоть все больше отражались на ее лице - глазки полужакрылись, ротик полуоткрылся, дыхание становилось труднее. Я почувствовал, что ее горячие ножки и тело начинают напрягаться... Она уже не отводила своего взгляда от моего. Я невольно ускорил движения. Она еще больше приподняла задницу и покраснела, заметив в зеркале, что я впился глазами в ее заднепроходное отверстие..., под которым обрабатывал ее вульву мой пенис.

Она вздрогнула, напряглась и тихо застонала.

Спускала она долго, страстно, обильно. Мускулы ее вульвы толчками сжимали и разжимали мой член.

Я весь сжался, чтобы выдержать до конца ее оргазм, а затем вынул член из влагалища и, прижав к ее заднему проходу, несколько раз брызнул в него. При этом кончик головки члена скользнул внутрь ее задницы, вызвав у нее протяжный тихий стон.

Оставшиеся до приглашения Виктора дни я использовал для подготовки моего пункта наблюдения. За стеной моего кабинета была расположена комната, отведенная под кладовую. В ней была нагромождена различная мебель и прочий хлам. Стена была деревянная, однако настолько прочная, что мне пришлось порядочно повозиться, чтобы проделать в ней маленькое отверстие и тщательно замаскировать его с обеих сторон. В конце концов все удалось как нельзя лучше. Отверстие давало мне возможность видеть почти весь кабинет, особенно диван и почти всю кровать. Наконец, настал желанный вечер. Галчонок сообщила, что Виктора она видела два раза и условилась с ним, что сегодня ровно в семь он придет к нам, а Галчонок его уверила, что я вернусь не раньше десяти часов вечера.

В половине седьмого я собрался уходить.

- Да, вот что, - сказал я. - Возьми вот деньги и купи побыстрее к ужину себе и Виктору, да и мне, когда вернусь, конфет, пряников и еще чего-нибудь. Еще время есть.

- Хорошо, я побегу.

- А я сейчас уйду, мне надо спешить, а часов в 10, не раньше, я вернусь. Я крепко поцеловал ее, и тотчас же оторвался, так как почувствовал напряжение пениса, а мне не хотелось испортить вожделенного зрелища, к которому я так тщательно готовился. Мы вышли на улицу, Галчонок отправилась в магазин, а я повернул в другую сторону, зашел за угол и сейчас же, внимательно озираясь по сторонам, вернулся домой, запер за собой дверь, забрался в

кладовую, приоткрыл слегка свое замаскированное отверстие и принялся ожидать, перелистывая захваченную с собой книжечку.